

УДК 323. 28

Экономические факторы в современных теориях институционального доверия

Д-р полит.наук **Лукин В.Н.** lvn55555@mail.ru

*Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии
193077, Россия, Санкт-Петербург, ул. Софийская, д. 52*

д-р полит.наук **Мусяенко Т.В.** tvm77777@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России,
Институт безопасности жизнедеятельности*

196105, Россия, Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15

В статье представлен анализ факторов институционального доверия и его эффектов. Показано, что основными линиями политического и экономического анализа доверия в отечественной и зарубежной литературе стало исследование причин и следствий политических и экономических макро- и микропроцессов. Такой подход предполагает определение уровня институционального доверия и характера его обратного влияния на политическую и экономическую ситуацию в современных обществах.

Ключевые слова: институциональное доверие, экономическая глобализация, финансовая глобализация, социальная справедливость, культура доверия.

Economic Factors in Modern Theories of Institutional Trust

D.Sc. **Lukin V.N.** lvn55555@mail.ru

*Saint-Petersburg branch of the Russian Customs Academy named after V.B. Bobkov
192241, Russia, Saint-Petersburg, 52, Sofijskajast*

D.Sc. **Musienko T.V.** tvm77777@mail.ru

*Saint-Petersburg University of the State Fire Service of EMERCOM of Russia,
Life Safety Institute*

*Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
196135, Russia, Saint-Petersburg, 15, Gastellost.*

The article presents the analysis of the factors of institutional trust and its effects. It is shown that the main lines of political and economic analysis of trust are the study of the causes and effects of political and economic macro - and micro-processes. This also involves the determination of the level of institutional trust and the nature of its reverse effect on the political and economic situation in contemporary societies.

Key words: institutional trust, economic globalization, financial globalization, social justice, culture of trust.

Глобализация и масштабные трансформации, определяющие характер глобальных, региональных и национальных политических процессов, формируют новые проблемы и риски экономического, социального и политического развития отдельных стран и целых региональных комплексов. К числу таких острых вопросов относится и проблема «дефицита доверия», которая приобрела исключительную актуальность практически во всех сферах современной политики.

Кризисная ситуация в международных отношениях, сложившаяся в связи с событиями на Украине, в Ираке, на Ближнем Востоке и других регионах мира – одно из проявлений. Проблема дефицита доверия при этом имеет своего рода диффузный характер, когда недоверие проникает сквозь все слои взаимодействия, создавая риски внутринационального согласия и общественной консолидации, а в ситуации с Украиной – приводит к углублению существующих социальных и политических разломов, которым способствует и искусственно инициируемый разрыв этнической и культурной общности, самих оснований идентичности.

Согласно данным социальных исследований Института социологии НАН Украины по мониторингу динамики институционального доверия за десятилетний период, показатели доверия к государственным институтам в обществе достигли очень низкого уровня. В 2011 году доверие к парламенту составило 1.99 балла по 10–балльной шкале (последнее место среди 26 европейских стран, включая Россию – 3.57 баллов соответственно); доверие к судебной-правовой системе – 2.26 балла (последнее место, Россия – 3.84 балла); доверие к милиции – 2.50 балла (последнее место, Россия – 3.53 балла); доверие к политикам – 1.85 балла (предпоследнее место, опережает лишь Грецию, в то время как Россия – 3.04 балла); доверие к политическим партиям – 1.99 балла (опережает лишь Грецию и Хорватию, занимая позицию на одном уровне с Болгарией, в то же время, Россия – 3.05 балла).

Оценивая соответствующие показатели доверия, Пилипенко А.Н. и Пилипенко Ю.И. (Донецкий национальный технический университет, Украина) приходят к выводу, что низкий уровень институционального доверия, характерный для гражданского общества Украины, свидетельствует о том, что оно способно функционировать исключительно в форме силы, вступающей в противодействие с властью и не видящей в ней партнера [9, С. 270–271].

Отсутствие конструктивного взаимодействия гражданского общества и институтов государства на основе культуры доверия обусловило в немалой мере развертывание в стране системного кризиса, привело в конечном счете к коллапсу политической системы и постепенному разрушению институциональных структур национальной экономики,

что и стало итогом вовлечения Украины в этих условиях в орбиту манипуляций ключевых геополитических игроков, прежде всего США.

В контексте возрастания роли геополитических и геокультурных факторов в современном мире страны с неустойчивой экономической и политической институциональной структурой составляют основную зону риска внешнего вмешательства [8].

В этой связи необходимо учитывать, что международный порядок в настоящее время характеризуется тем, что в современной мировой политике на формирование отношений господства – подчинения в значительно меньшей степени, чем прежде оказывает влияние военно-силовое противоборство государств на мировой арене и складывающаяся на этой основе международная иерархия. Эти отношения все больше попадают в зависимость от уровня экономического развития национальных государств, а также от иерархии, обусловленной неравенством государственных и негосударственных участников мировой экономики, с одной стороны, так и их возрастающей множественностью, с другой [11, С. 312–313].

Риски неэффективности функционирования национальных государственных институтов по управлению хозяйственной деятельностью, проявляющиеся прежде всего в росте коррупции, усугубляются процессами политической, финансовой и экономической глобализации.

В условиях политической глобализации наблюдается утрата современными государствами своего суверенитета в прежнем его значении, в результате чего рядом государств допускается вмешательство извне в свои внутренние дела. Компенсацией утраты части суверенитета является доступ к влиянию на супранациональном (Supranational) уровне правления. Происходит консолидация суверенитета как мировой системы коллективной монополизации принуждающего насилия.

Экономическая глобализация выступает структурным фактором, детерминирующим изменение соотношения в уровне затрат на легальную и нелегальную деятельность, что определяет содержание решений, принимаемых экстремистскими, радикальными и террористическими организациями при выборе методов борьбы за власть.

В частности, глобализация снижает затраты на нелегальную, незаконную деятельность, выравнивая тем самым эти затраты с затратами на легальные способы противодействия власти. Снижение рисков реализации нелегальных стратегий и методов обусловлено усложнением сетей глобальной экономики (мировой торговли, глобальной системой финансовых рисков) и снижением в этих условиях эффективности государственного контроля за перемещением торговых и финансовых потоков. Прибыль, полученная при легализации преступных средств, укрепляет экономическую основу

организационных форм преступности, что создает дополнительные риски прежде всего для стран с развивающейся экономикой.

Риски финансовой глобализации актуализируют проблему контроля процессов, связанных с развертыванием глобальной инфраструктуры по отмыванию денег как источника финансирования радикальных экстремистских формирований и сетевых структур международного, в том числе государственного терроризма [1, С. 40; 6, С.222–282; 5].

В этом контексте экономические факторы рассматриваются в качестве важнейших детерминант политического и экономического суверенитета, поступательного развития современных государств.

Это обстоятельство в настоящее время находит выражение в формировании приоритетов научных исследований, что проявляется и в активизации разработки концепции доверия, ее применения российскими исследователями в рамках экономического анализа и изучении экономических аспектов институционального доверия.

Вахтина М.А. (Поволжский государственный университет сервиса, Россия) характеризует институциональное доверие как доверие в отношении официально установленных правил, норм, предписаний и прежде всего по отношению к институтам государства и структурам, реализующим эти правила и нормы. Формирование институционального доверия связывается здесь с эффективностью и справедливостью как основными принципами функционирования государственных институтов. Одна из составляющих, определяющих доверие к государству – это способность государственных институтов обеспечить эффективную хозяйственную деятельность. Вторая – справедливое устройство этих институтов, обеспечение социальной справедливости в обществе. Две составляющие (эффективность институтов и справедливость институтов), определяемые как «круги доверия», взаимосвязаны, и именно зона пересечения кругов доверия дает оптимальный эффект в сфере политического, экономического и социального развития общества. В России выявляется низкий уровень институционального доверия, что рассматривается в качестве сдерживающего фактора экономических преобразований и реализации планов роста качества жизни российских граждан. [3, С. 58, 60, 64]

Пренебрежение принципами экономической эффективности при определении экономической политики государства препятствует достижению необходимого материального результата, позволяющего обеспечивать повышение качества жизни людей. Игнорирование принципов социальной справедливости и соответствующих правил и норм, в свою очередь, блокирует повышение экономической эффективности. В конечном итоге, выход за пределы кругов доверия неизбежно приводит к социальному расслоению, дифференциации доходов, увеличению количества богатых за счет

обнищания остальных слоев населения, что еще больше повышает уровень недоверия, как межличностного, так и институционального.

В выступлении Президента Российской Федерации на первой конференции Объединенного национального фронта (ОНФ), проведенной в Ростове-на-Дону в марте 2013 года, был затронут один из злободневных вопросов, связанный с социальной справедливостью – вопрос о соотношении богатых и бедных в России. По проблеме разрыва между беднейшими и богатейшими слоями населения страны Президент отметил: «Вопрос о расслоении по доходам напрямую относится к социальной справедливости. Вопрос расслоения по доходам, он у нас запредельный».

По данным исследования распределения доходов среди различных слоев населения России, проведенного Федеральной службой государственной статистики Российской Федерации, в 2010 году 80% населения было признано бедными, либо живущими в крайней нищете. Это почти 113 миллионов человек. Так называемые богатые составили 0,7% населения [2].

Показатели разрыва между доходами бедных и богатых в России остается по-прежнему несопоставимыми. Доходы 10% самых состоятельных россиян в семь раз превышают совокупный доход 10% самых бедных слоев населения. И показатель этот за последние годы, несмотря на относительное улучшение благосостояния россиян, практически не изменился [10].

Соответственно, сохраняются рискогенные факторы, блокирующие формирование культуры доверия как основы консолидации общества. Российские исследователи рассматривают доверие как важнейший фактор обеспечения безопасности общества, подчеркивая, что экономическая безопасность, социальная стабильность и политическая устойчивость определяются уровнем институционального, или общественного доверия, которое представляет собой, в его социологической трактовке, ожидания в отношении общественных категорий, общественных групп и общественных ролей. [4, С. 36]

В современных обществах, для которых характерно формирование разломов и кливеджей по линиям не только политической и экономической дифференциации, но и в сфере межкультурных и межэтнических противоречий, доверие возможно рассматривать как составляющую конструктивного социокультурного механизма консолидации. В этом смысле формирование потенциала и культуры доверия, развитие социального капитала, воспроизводство доверия как элемента культуры, его межпоколенческая трансмиссия становится для российского общества одной из задач первостепенной значимости.

Важной предпосылкой разработки эффективных моделей и стратегий обеспечения общественной консолидации на основе формирования культуры доверия следует рассматривать дальнейшее развитие научного знания в этой области, обобщение теоретических и методологических результатов, в том числе и зарубежных научных практик в области политического анализа доверия.

Среди современных зарубежных исследователей заметна ориентация на создание интегрированных теорий, соединяющих в концептуализациях доверия основополагающие моменты культурологических, институциональных трактовок и макро – ,микроаспектов анализа.

Теоретический синтез, как правило, осуществляется в рамках той или иной превалирующей теории.

Микроинституциональный вариант синтеза, примененный Уильямом Мишлером и Ричардом Роузом, возможно рассмотреть в качестве примера [12, 13].

Модель Мишлера–Роуза предстает как модель жизненного цикла познания (Lifetime Learning Model: LTL – M) [7, С. 342].

Одно из теоретических допущений модели сформулировано сообразно положениям культурологических теорий доверия и означает, что изначально межличностное доверие формируется как результат раннего, дополитического опыта и, соответственно, может проектироваться на политические институты.

Второй тезис основан на идеях институциональных теорий доверия и устанавливает соответствующее институционализму допущение о возможности усиления или ревизии, пересмотра изначальных predispositions доверия (или недоверия) к политическим институтам. Это происходит в зависимости от того, насколько первичные установки подтверждаются или опровергаются последующим жизненным опытом личности, формируя способность к политически зрелым оценкам проводимой в стране политики.

Стабильное политическое доверие, соответственно логике данной теории, характерно для стабильных демократических обществ с длительно функционирующей институциональной структурой, обеспечивающей условия для подкрепления сформированных в ходе социализации позитивных ранних ориентаций.

В транзитных демократиях, характеризующихся фундаментальными политическими институциональными трансформациями, согласно модели Мишлера–Роуза, политическое доверие отличается изменчивостью и подвержено воздействию, прежде всего, и в большей мере, микроуровневых эвалюаций эффективности проводимой политики.

Если для стабильных обществ в структуре доверия ощутимо влияние культурологических факторов, то в переходных демократиях это влияние нивелируется, а соответственно, и анализ политического доверия предполагает, главным образом, институциональный подход к интерпретации проблемы.

Для иллюстрации положения о том, что реальный на данный момент уровень доверия к политическим институтам является результатом изначального политического доверия (PTt-1), модифицированного под влиянием более позднего опыта действующих

политических институтов (PEt), формула Мишлера–Роуза представлена следующим образом:

$$PT_t = PT_{t-1} + V_t PE_t + (u_t + u_{t-1}) \quad [12, P. 3839].$$

Логика модели жизненного цикла познания в определенной мере перекликается с рационалистической концепцией Морриса Фиорина, согласно которой реальный уровень политического доверия представляет собой общую сумму накопленного в течение жизни политического опыта. Формальная модель жизненного цикла познания кодифицирована авторами в следующем виде:

$$PT_t = y + \sum_{i=1}^t V_i PE_i + u_t,$$

где PT (PoliticalTrust = политическое доверие) представляет собой вектор реального на данный момент времени t уровня доверия к политическим институтам; Vi – вектор коэффициентов (или веса, объема); PE (PerformanceExperience) – вектор политической или институциональной деятельности и опыта ее восприятия за определенный период i; ut – погрешность.

Показательны результаты соответствующего анализа аспектов политического доверия в гражданских обществах десяти постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы (Болгария, Чехия, Словакия, Венгрия, Польша, Румыния, Словения), а также России, Белоруссии и Украины.

Указанный анализ осуществлен авторами с использованием данных не только общепринятого для целей подобного исследования Евробарометра (EuroBarometer: EB), учитывающее главным образом, показатели PoliticalTrust, то есть отношения граждан к проводимой в рамках институциональной структуры власти политики (PerformanceofInstitutions).

Кроме этой базы данных, были использованы и данные социологических исследований пятого барометра новых демократий (NewDemocraciesBarometer: NBDV), полученного обществом Пола Лазарсфелда (Вена), и седьмого барометра новой России (NewRussiaBarometer: NRBVII), созданного Центром исследования общественной политики Стратклайдского университета (CentrefortheStudyofPublicPolicyattheUniversityofStrathclyde), которые рассчитывают также и параметры межличностного доверия в этих странах с учетом языковых особенностей и связанных с ними различий значения переменных.

Одна из особенностей гражданского общества переходного типа связана со спецификой соотношений межличностного и институционального, политического доверия (InterpersonalTrust и PoliticalTrust).

В интегрированном концептуальном индексе доверия Мишлера–Роуза они включены в единый трехзвенный блок институционального доверия, предусматривающий измерение следующих параметров:

- 1) доверие к политическим институтам и силовым структурам (партии, парламент, профсоюзы, полиция, суды, премьер-министр и (или) президент, армия);
- 2) доверие к институтам гражданского общества (частное владение, церковь, пресса, телевидение и радио и другое);
- 3) доверие к другим людям.

В отношении первого блока показателей институционального доверия подход, примененный Мишлером–Роузом, выявил институциональный скептицизм и открытое недоверие к основным элементам институциональной структуры, с одной стороны, и сравнительно более высокий (чем уровень политического доверия) уровень межличностного доверия в транзитных демократиях, с другой. Открытое недоверие достаточно выражено в отношении к пяти элементам институциональной структуры, а именно, к партиям, парламентам, профсоюзам, частным предприятиям, полиции (от 69 % до 50 % граждан). К остальным шести институтам общество транзитных демократий относится так же с той или иной долей скептицизма.

Низкий уровень доверия к новым политическим институтам подтверждает получившую достаточно широкое распространение в политических исследованиях зарубежных авторов соответствующую культурологическую гипотезу о невысоком изначальном доверии (InitialTrust) к демократическим институтам обусловленном характерным для постсоциалистических обществ недоверием к прошлому политическому режиму, а также особенностями авторитарных культур стран данного региона.

Данные показатели подтверждают и институциональные допущения о низком уровне изначального доверия, ввиду неизбежного в обществе недовольства политикой правительства, предпринимающего попытки реформирования и решения сложных проблем демократического транзита.

Показатели межличностного доверия в постсоциалистическом обществе несколько выше по сравнению с минимальными параметрами институционального доверия (к политическим партиям). Разница составляет 37 пунктов: позиция доверия к людям характерна для 49% опрошенных.

Тем не менее, одна треть (26%) склонна не доверять другим людям, а другая треть (25%) в этом отношении выражает скептицизм. Это означает, что более половины опрошенных входят в вектор негативного доверия (DistrustingSceptical), и лишь чуть меньше половины в этом смысле ориентировано позитивно (Trusting) [12, P. 42].

Второй блок в модели Мишлера–Роуза включает макроиндикаторы общей эффективности функционирования политических институтов как фактора формирования доверия.

Данная составляющая концептуальной модели доверия разработана с учетом макроинституциональных подходов к интерпретации доверия и предусматривает выявление:

- десятиуровневого индекса коррупции (CorruptionIndex);
- семизначного индекса уровня гражданской и политической свободы (FreedomIndex);

- шестизначного индекса изменения этого уровня (FreedomChange), которые в совокупности составляют индикаторы эффективности политических реформ, осуществляемых в рамках трансформируемой институциональной структуры.

В этот же блок входят макроэкономические индикаторы, а именно, индексы:

- рыночных реформ (Market Reform Index);
- изменения валового внутреннего продукта (Gross Domestic Product Change Index);
- соответствия валового национального продукта покупательской способности (Gross Domestic Product Purchasing Power Parity Index);

- логарифмической (кумулятивной) инфляции (Log Inflation Index) [12, P. 5859].

Макрокультурологические индикаторы доверия в модели Мишлера-Роуза не определены. Характер воздействия соответствующих культурологических факторов доверия исследуется в рамках предложенной модели с помощью семизначной шкалы со статистически значимым уровнем в 3.5 (среднее значение шкалы 1-7) и установлением вариантов отклонения как показателя кросс-национальных различий институционального доверия, обусловленных совокупностью факторов исторического и культурного развития, национальными традициями и иными особенностями культуры.

Анализ межнациональных различий уровней политического доверия в исследуемых 10 странах выявил отсутствие существенных эффектов макрокультурологических факторов и их влияния на уровень доверия к политическим институтам.

Стандартное отклонение, как показал сравнительный анализ, составило в среднем 0,2. За исключением России, и в особенности Украины (более низкий по сравнению с другими странами уровень доверия), а также Румынии (более высокий уровень институционального доверия в обществе), отклонение от среднестатистического значения незначительно, что свидетельствует об ограниченном влиянии макрокультурологических различий на доверие в обществах демократического транзита [12, P. 4446].

Аналогично влияние перечисленных выше макрополитических и макроэкономических факторов, определенное воздействие которых также ограничено и не является определяющим [12, P. 4648].

Это означает, что макроинституциональная гипотеза о влиянии общего характера политической и экономической деятельности правительства на уровень доверия не подтверждается.

Третий блок индикаторов концептуальной модели Мишлера–Роуза (индекс 5-5-5-2) интегративен и соединяет отдельные макро- и основные микроуровневые культурологические, а также институциональные аспекты политического доверия.

Культурологический сектор включает 5 показателей влияния на доверие процесса социализации и социальной структуры (Socialization and Social Structure):

1. Уровень образования (Educational Level);
2. Возраст (Age);
3. Пол (Gender);
4. Место проживания (Town Size);
5. Отношение (или посещение) к церкви (Church Attendance).

Институциональный сектор содержит политический фрагмент с 5-ю показателями политической деятельности:

1. Макроиндикатор, представленный параметрами общей коррупции (Aggregate Corruption);
2. Микроиндикатор индивидуальных представлений об уровне коррупции (Perceived Corruption);
3. Микроиндикатор степени политической свободы (Perceived Freedom);
4. Микроиндикатор справедливости действий политических институтов (Perceived Fairness);
5. Микроиндикатор обеспечения в рамках действующей институциональной структуры влияния каждого гражданина на ее функционирование (Perceived Influence).

Сектор экономических микрофакторов включает 5 индикаторов:

1. Социотропические (Sociotropic) и эгоцентрические (Egocentric) эвалюации действующей макроэкономики (Current Macroeconomy);
2. Эвалюации уровня ныне действующей микроэкономики (Current Household Economy);
3. Эвалюации перспектив развития макроэкономики (Prospective Macroeconomy);
4. Эвалюации перспектив развития микроэкономики (Prospective Microeconomy);
5. Эвалюации угрозы инфляции (Inflation Threat).

Кроме того, в экономический сектор входят 2 микроуровневых индикатора экономических условий:

1. Индивидуальный доход (Household Income);
2. Индивидуальный опыт восприятия безработицы (Experience of Unemployment).

Индекс 5-5-5-2, таким образом, интегративен и соединяет в единый комплекс макро- и микроуровневые аспекты концептуализации доверия, а также концептуальные

подходы и параметры, составляющие основу культурологических и институциональных теорий политического доверия.

Вместе с тем, результаты, полученные с помощью данного индекса, выявляют детерминирующую роль, прежде всего микроинституциональных факторов политического и межличностного доверия в странах демократического транзита.

Для формирования политического доверия намного более значима оценка на индивидуальном уровне политической и экономической деятельности правительства, чем фактор социализации, или же собственно реальная работа и функционирование институтов политической власти.

К факторам, не оказывающим реального влияния на политическое доверие, относятся, по результатам анализа Мишлера–Роуза, все параметры блока факторов социализации: даже образование, как правило, влиятельный детерминирующий фактор доверия в развитых демократиях – в транзитных обществах не играет существенной роли.

В целом, показатели эффекта этих факторов на процесс изменения и характер различий степени доверия составили по исследуемым странам лишь 1,3 % [12, P. 5051].

К данному типу второстепенных факторов относятся также макроинституциональные политические и экономические факторы доверия.

В частности, общее состояние коррупции, а соответственно и индекс коррупции, не оказывают прямого влияния на доверие, и выступает косвенным фактором, опосредованным эффектами микрофакторов, а именно, факторов индивидуального восприятия коррупции, при условии отнесения ее к значимым для индивида проблемам.

Не выполняют функцию и роль основных факторов детерминации доверия и макропараметры экономической и политической деятельности институциональных структур.

К основным факторам детерминации доверия прямого действия отнесен, прежде всего, блок, включающий микро- индикаторы, а именно, индивидуальные эвалюации политической и экономической активности правительства.

Из всех четырех значимых в этом отношении факторов влияния, наиболее важным является восприятие гражданами справедливости (Fairness) действий нового, демократического режима. Меньшее, но столь же определяющее влияние на уровень доверия оказывают микроуровневые эвалюации результатов деятельности новых институтов власти по обеспечению свободы (Freedom) и созданию условий для реализации гражданином своих возможностей личного влияния (Influence) на принятие политических решений. Доверие к политическим институтам также зависит и от микроуровневых оценок степени коррумпированности политического режима.

Доля эффектов блока микроинституциональных политических факторов составляет 12,8 % [12, P. 5051].

В равной мере (11,8 %) значимы микроуровневые эвалюации экономической деятельности правительства.

Соответствующие оценки определяются тенденциями развития эвалюативных процессов в странах постсоциалистического демократического транзита, в которых преобладают футуристические политические ориентации, отличающиеся направленностью, прежде всего, на перспективы развития макроэкономики и собственного благосостояния. При этом больший приоритет отдается макроэкономическим перспективам, а их оценка на индивидуальном уровне оказывает наиболее сильное влияние на формирование институционального доверия.

В этом смысле общество демократического транзита, также как и общества развитых демократий, характеризуются преобладанием социотропических приоритетов над эгоцентрическими.

Эффекты всех остальных макро- и микроэкономических индикаторов модели Мишлера–Роуза (нынешнее состояние макро- и микроэкономики, уровень инфляции и безработицы, уровень дохода) оказались менее существенными и не оказывающими определяющего влияния на степень доверия.

В целом, концептуальная модель доверия, разработанная Мишлером–Роузом, позволяет выявить определяющие факторы доверия, эффекты которых составляют 20 % от выявленных различий уровня политического доверия опрошенных [12, Р. 52].

В соответствии с микроинституциональной интегративной интерпретацией политического доверия Мишлера–Роуза стратегии укрепления доверия в обществе должны учитывать, во-первых, значимость макроинституциональных эффектов, опосредованных на микроуровне ценностными структурами личности, являющимися продуктами национальной культуры и социализации как факторов доверия непрямого действия.

Во-вторых, при определении управленческих стратегий укрепления доверия, необходимо понимание преобладания в обществах постсоциалистического транзита не столько доверия (малая часть общества), сколько недоверия и скептицизма по отношению к политическим институтам (большая его часть).

В-третьих, политическому менеджменту следует исходить из различной природы межличностного и политического доверия.

Политическое доверие, будучи не связанным с межличностным, зависит от позитивной оценки гражданами действий политических режимов по обеспечению социальной справедливости, свободы.

Для обществ стран постсоциалистического транзита основной проблемой остается негативная оценка демократического режима в связи с неизбежными экономическими проблемами, что является источником институционального скептицизма.

В этой связи стратегии общественной политики по генерированию доверия определяются спецификой источников доверия в постсоциалистических обществах.

в-четвертых, реализация экономической политики, обеспечивающей перспективы повышения благосостояния общества [12, Р. 55–56].

Таким образом тема институционального доверия исследуется российскими и зарубежными исследователями не только в аспекте анализа причин (Causes) и факторов доверия. Она также изучается в рамках исследования реверсивной связи, а именно эффектов доверия (Effects), то есть следствий политических и экономических макро- и микропроцессов, сопряженных со снижением или усилением институционального доверия и определяющих характер его обратного влияния на политическую и экономическую ситуацию, а соответственно, на эффективность политики правительства, и режима в целом. Эти линии политического и экономического анализа доверия возможно рассматривать как определяющие направления в исследовании проблемы институционального доверия и его роли в обеспечении безопасности и консолидации общества.

Список литературы:

1. Абаканова В.А. Легализация преступных доходов: общественная опасность и противодействие // Вестник Орловского государственного университета. – 2012. – № 3. – С. 39–42.

2. Бодров С. Бедные и богатые в России. Данные статистики // Махпарк [Электронный ресурс]. URL: <http://maxpark.com/community/129/content/1789909>

3. Вахтина М.А. Доверие к государству как фактор повышения его эффективности // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – 2011. – № 3 (Т. 3). – С. 57–65.

4. Кривопусков В.В. Фактор доверия в минимизации институциональных рисков в системе обеспечения консолидации российского общества // Власть. – 2013. – № 1 – С. 34–37.

5. Лукин В.Н., Мусиенко Т.В. Экономическая глобализация и современные стратегии противодействия международному терроризму // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б.Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2006. – № 2 (26). – С. 339–357.

6. Лукин В.Н., Мусиенко Т.В. Глобализация и риски безопасности: тенденции научного анализа // Международный терроризм: политический анализ рисков и стратегий обеспечения безопасности: в 3 т. / Г.В.Артемчук, П.Н.Афонин, В.А.Журавлев, А.Н.Карпов, В.В.Лукин, В.Н.Лукин, Н.Р. Мальков, А.В.Мусиенко, Т.В.Мусиенко,

А.Н.Мячин, Т.Н.Федорова, В.А.Черных, Н.Ю.Яргина; Глав.ред. А.А.Оводенко. – СПб: Наука, 2008. Т. 1. – 493 с. С.222–282.

7. Лукин В.Н., Мусиенко, Т.В. Противодействие международному терроризму: поиск новой парадигмы // Международный терроризм: вызовы и противодействие: в 3 т. / Ш.Б.Байрамов, В.Н.Лукин, В.Л.Михеев, Т.В.Мусиенко, А.Ю.Пиджаков, Б.А.Смыслов; Глав.ред. В.Л.Михеев. – СПб: ООО «Архей», Т. 2: – 2011. – 482 с.

8. Нурышев Г.Н. Глобальная геополитика и геокультура // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2011. № 1. С. 177–186.

9. Пилипенко А.Н., Пилипенко Ю.И. Роль гражданского общества в институциональной трансформации экономики Украины // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: Экономическая. – 2014. – № 1. – С. 262–272.

10. Соотношение доходов 10% самых бедных и самых богатых граждан в России и других странах мира в 2013 году // Деловая жизнь [Электронный ресурс]. URL: <http://bs-life.ru/makroekonomika/bogatie-bednie2013.html> .

11. Шумилов М.М., Алехин В.В. Современный международный порядок и его перспективы // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б.Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2006. – № 2 (26). – С. 312–339.

12. Mishler W., Rose R. What are the Origins of Political Trust?: Testing Institutional and Cultural Theories in Post-Communist Societies // Comparative Political Studies. 2001. Vol. 34. N 1. P. 3062.

13. Mishler W., Rose R. What are the Consequences of Political Trust?: A Test of Cultural and Institutional Theories in Russia // Comparative Political Studies. 2005. Vol. 38. № 9. P. 1015–1049.